

name="Кладбище домашних животных">

СТИВЕН КИНГ

Кладбище домашних животных

ЧАСТЬ I.

ХЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЛЮБИМЦЕВ

После этих слов Иисус говорит им:

Лазарь, друг наш, уснул. Но я пойду и разбужу его.

Ученики сказали Ему: если уснул, значит, выздоровеет.

Иисус же говорил о смерти его, а они решили, что Он говорит об обычном сне.

Тогда Иисус прямо сказал им: Лазарь умер...

...однако, пойдём к нему.

Евангелие Иоанна (пересказ).

Глава 1

Луис Крид, потерявший отца в три года и никогда не знавший своего деда, не ожидал найти «отца», став взрослым, хотя произошло именно так.., он называл этого человека другом, как должен делать любой взрослый, когда, сравнительно поздно в жизни, встречает того, кто становится ему «отцом». Этого человека Луис встретил вечером, когда с женой и двумя детьми переезжал в большой белый дом в Ладлоу. С ними переехал и Уинстон Черчилль. Черч был котом Елены – дочери Луиса.

Администрация университета не пошевелилась и утомительные поиски своего дома на приемлемом расстоянии от университета пришлось вести самостоятельно. Наконец, Криды приблизились к месту, где, как считал Луис, должен был находиться их дом. «Все ориентиры правильные.., словно астрологические знаки перед убийством Цезаря», – с тяжелым сердцем подумал Луис. Криды устали и были раздражены до предела. У Гаджа резались зубы и он капризничал не переставая, никак не засыпал, несмотря на то, что Речел все время баюкала его. Она хотела накормить Гаджа грудью, хотя время кормления еще не наступило. Гадж знал свое обеденное расписание так же хорошо, как Речел (а может, и лучше) и проворно укусил маму новыми зубками. Речел, до сих пор не совсем уверенная в необходимости переезда в Мэйн из Чикаго, где она прожила всю жизнь, залилась слезами. Елена быстро присоединилась к маме. В задней части легкового автомобиля продолжал беспокойно метаться Черч. Кот вел себя так последние три дня, с тех пор как они уехали из Чикаго. Когда он сидел в клетке для кошек, его завывания были невыносимы, но не меньше раздражали непрерывные метания Черча по салону автомобиля, после того как Криды, наконец, сдались и выпустили его.

Луис чувствовал, что сам почти срывается на крик. Дикая, но привлекательная идея, неожиданно родилась у него: он представил, как они возвращаются в Бангор что-нибудь перекусить и подождать грузовик с вещами; а когда три подарка судьбы выйдут из машины, он надавит акселератор и умчится, не оглядываясь, ноги в руки; огромный четырехцилиндровый двигатель легкового автомобиля начнет жадно

глотать дорогой бензин. Он мог бы поехать на юг, до Орландо во Флориде, где под новым именем стал бы работать врачом в Диснейленде. Но перед тем, как он доберется до пункта оплаты проезда на старой, широкой 95-й дороге у южной границы штата, он остановится на обочине и вышвырнет этого е....о кота.

И вот, когда последний поворот остался позади, они увидели дом, который раньше видел только Луис. Прилетев заранее, он осмотрел каждый из семи домов, которые они выбрали по фотографиям, когда за Луисом закрепили место в Университете Мэйна. Этот дом нравился ему самому: большой, старый особняк в стиле Новой Англии (но заново переоблицованный и утепленный; цены за обогрев, до сих пор выглядевшие просто ужасно, оказались приемлемыми, учитывая размеры дома); три большие комнаты внизу, четыре наверху; рядом длинный сарай, который позже можно будет перестроить в жилое помещение – дом, окруженный ярко зеленеющими лужайками, несмотря на августовскую жару.

За домом была большая площадка для детских игр, а за площадкой – лес, конца которому видно не было. «Ваш участок граничит с землями штата, и поэтому в ближайшем будущем тут не предвидится никакого строительства, – так об яснил агент по продаже недвижимости. – Остатки индейского племени Микмака потребовали признания их прав на восемь тысяч акров земель по соседству с Ладлоу и в городках восточнее, поэтому возникла запутанная тяжба, в которой федеральное правительство увязло так сильно, что судебное разбирательство продлится до следующего столетия».

Речел перестала плакать, привстала.

– Этот...

– Это он, – ответил Луис, встревожившись... нет, неожиданно испугавшись. На самом деле он почувствовал ужас. В обмен на дом он заложил двенадцать лет их жизни: за дом будет выплачено, когда Елене исполнится семнадцать.

Он сглотнул.

– Что ты думаешь?

– Думаю, он прекрасен, – проговорила Речел, и огромный камень свалился с души Луиса. Он видел, жена говорит искренне. Пока они ехали по асфальтированному проезду, ведущему вокруг сарая на задний двор, она смотрела на дом; ее взгляд скользил по пустым окнам; она уже отметила отсутствие таких вещей, как занавески, клеенки на полках, устроенных на наружной стороне сарая и бог еще знает что.

– Папочка! – позвала Элли с заднего сиденья. Она тоже перестала плакать. Даже Гадж перестал капризничать. Луис наслаждался тишиной.

– Что, дорогая?

Ее глаза, карие, под челкой светлых волос, в отражении зеркала заднего вида, тоже внимательно изучали дом, лужайку, крышу другого дома, слева в отдалении, пустырь, вытянувшийся к лесу.

– Этот дом?

– Он наш, милая, – сказал Луис.

– Ууураа! – взвыла Елена, так что у Луиса заложило уши. И Луис, который мог иногда становиться очень раздражительным при общении с Элли, решил, что и без Диснейленда – его жизнь прекрасна.

Луис припарковал машину перед сараем и включил холостой ход.

Двигатель тихо урчал на холостом ходу. В послеполуденной тишине, которая казалась мертвой после Чикаго, суматохи Улицы Штата и Кольцевой, сладко пели птицы.

– Дома, – мягко сказала Речел, все еще глядя на коттедж.

– Дома, – самодовольно произнес Гадж у нее на коленях. Луис и Речел переглянулись. В зеркале заднего вида у отражения Елены округлились глаза.

– Ты...

– Он...

– Что это...

Они заговорили одновременно, потом все вместе рассмеялись. Гадж не обращал на них внимания, продолжая сосать палец. Он уже месяц говорил «Ма» и произносил то, что иногда можно было принять за «Пааа», а может, так лишь хотелось Луису.

Но в этот раз, даже если получилась случайная имитация, прозвучала она как настоящее слово. «Дома».

Луис подхватил Гаджа с коленей жены и обнял его.

Вот так они приехали в Ладлоу.

Глава 2

В памяти Луиса Крида этот эпизод навсегда сохранил оттенок волшебства, может, потому, что он и в самом деле был волшебным, а может, потому, что остаток вечера оказался безумным. Следующие три часа никакого отдыха – никакого волшебства...

Луис все время держал ключи от дома под рукой (он был аккуратным и методичным человеком), в коробке из-под манильских сигар, на которую наклеил ярлык: «Дом в Ладлоу. Ключи получены 29 июня». Он убрал коробочку с ключами в отделение для перчаток «Файрлайна». В этом Луис был абсолютно уверен. Сейчас их там не оказалось.

Пока он охотился за ключами, становясь все раздражительнее, Речел, взяв Гаджа на руки, пошла за Еленой к дереву, возвышавшемуся посреди пустыря за домом. Луис третий раз проверял под сиденьем, когда его дочь отчаянно закричала.

– Луис! – позвала Речел. – Она разбила колено!

Елена упала с качелей, сделанных из автомобильной шины, и ударилась коленкой о камень. «Ссадина пустяковая, но вопит, словно ногу потеряла», – подумал Луис (капелька бездушия). Он посмотрел на дом на противоположной стороне дороги; там в гостиной горел свет.

– Все в порядке, Элли, – сказал он. – Хватит рыдать. Соседи могут подумать, что тут кого-то убили.

– Боооолит!

Луис приложил максимум усилий, чтобы сдержаться, и молча вернулся к автомобилю. Ключей в отделении для перчаток не было, но аптечка оказалась на месте. Взяв ее, он отправился назад. Когда аптечку увидела Элли, она стала кричать еще громче.

– Нет! Только не йод! Я не хочу йода, папочка! Нет...

– Елена, это – зеленка, а не йод.

– Будь большой девочкой, – сказала Речел. – Только...

– Нет.., нет – нет.., нет.., пет...

– Ты сейчас же прекратишь или у тебя еще и попа заболит, – сказал Луис.

– Она устала, Луис, – спокойно об яснила Речел.

– Конечно. Я знаю. Подержи ее ногу.

Положив Гаджа, Речел подержала ногу Елены, которую, злясь на усилившиеся истерические завывания, Луис красил зеленкой.

– Кто-то вышел на веранду дома на противоположной стороне улицы, – заметила Речел. Она подняла Гаджа, который пытался уползти по траве.

– Замечательно, – прошептал Луис.

– Луи, она...

– Устала, знаю, – он закрыл зеленку и сумрачно посмотрел на дочь. – Вот так. И на самом деле ни капли не болит. Потерпи, Елена.

– Болит! На самом деле болит! Боооол...

У Луиса руки чесались отшлепать ее, но он сдержался.

– Ты нашел ключи? – спросила Речел.

– Конечно, нет, – ответил Луис, щелчком закрыв аптечку, и встал. – Я...

Завопил Гадж. Он не капризничал, не кричал, а по-настоящему вопил, корчась на руках у Речел.

– Что с ним? – воскликнула Речел, протянув ребенка Луису.

«Одно из преимуществ, когда выходишь замуж за врача: вы можете пихнуть ребенка своему мужу всякий раз, когда кажется, что ребенок умирает», – в этом Луис был уверен.

– Луис! Что?..

Малыш тер ручками шею и дико кричал. Луис поднял его повыше и увидел раздувающуюся белую опухоль сбоку на шее Гаджа. И еще что-то было на завязке детского комбинезончика, что-то лохматое, слабо подергивающееся.

Елена, которая стала уже успокаиваться, снова завопила.

– Пчела! Пчела! Пчееела! – она отскочила, споткнувшись о камень, с которым ей один раз уже не повезло, сильно шлепнулась на попу и снова начала реветь от боли, удивления и страха.

«Я сойду с ума, – подумал Луис. – Ух-xxxxx!»

– Луис, сделай что-нибудь! Ты можешь что-нибудь сделать?

– Сперва надо вырвать жало, – донесся сзади голос, растягивавший слова. – Точно. Сперва вырвать жало и приложить немного гашеной извести. Шишка спадет. – Говоривший обладал таким сильным восточным акцентом, что некоторое время смущенный Луис не мог понять о чем речь. «Перва надрвать жал иприложить немногпогшеной звести. Шка падет».

Луис повернулся и увидел старика лет семидесяти – крепкого и здорового семидесятилетнего старика. Он носил синюю рубашку-поло, открывавшую морщинистую шею с толстыми складками. Обожженное солнцем лицо; и еще он курил сигареты без фильтра. Когда Луис посмотрел на него, старик закончил разминать сигарету между большим и указательным пальцами и ловко положил ее в карман. Протянув руку, он слегка улыбнулся.., улыбка понравилась Луису; старик был не из тех, кто «располагает» к себе.

– Вам виднее в ваших делах, док, – сказал он. Вот так Луис встретил Джадеона Крандолла, человека, который стал ему как отец.

Глава 3

С противоположной стороны улицы старик видел, как они приехали, и пришел посмотреть, не может ли он чем-то помочь, когда у них возникли «мелкие трудности», как он называл их.

Пока Луис держал мальчика на руках, Крандолл подошел ближе, осмотрел опухоль на шее Гаджа и вытянул грубую, кривую руку. Речел открыла рот, чтобы протестовать – рука старика выглядела ужасно неловкой и почти такой же большой, как голова Гаджа – но прежде чем Речел успела что-то сказать, пальцы старика сделали простое, уверенное движение, такое же стремительное и ловкое, как движение шулера, тасующего колоду карт, или наперсточника, играющего шариками. И жало оказалось на ладони у старика.

– Большое, – заметил старик. – Приза не возьмет, но медаль вручить можно, так я считаю. – Луис взорвался от смеха.

Крандолл взглянул на него с плутоватой улыбкой и сказал:

– Храбрец, не так ли?

– Что он сказал, мамочка? – спросила Елена, и тогда Речел тоже взорвалась от смеха. Конечно, это было ужасно невежливо, но каким-то образом дальше все пошло хорошо. Крандолл вытащил пачку «Королей Честерфильда», сунул одного из них в морщинистый уголок своего рта, вежливо кивая, пока Криды смеялись.., даже Гадж сдавленно захихикал, несмотря на опухоль от пчелиного укуса. Старик зажег деревянную спичку, чиркнув ее о ноготь большого пальца. «У каждого старика есть свои трюк, – подумал Луис. – Порой безыскусный, но некоторые из них красиво смотрятся».

Луис перестал смеяться и протянул руку, не ту, которой только что поддерживал Гаджа за попку – определенно мокрую попку.

– Рад встрече с вами, мистер...

– Джад Крандолл, – сказал старик и потряс руку Луиса. – Я догадался, что вы – доктор.

– Да. Луис Крид. Это моя жена Речел, моя дочь – Элли, а малыш, которого ужалила пчела, – Гадж.

– Приятно с вами познакомиться.

– Я не хотел смеяться.., то есть, мы не хотели смеяться.., дело в том, что мы.., немного устали.

Эти слова – явное преуменьшение, заставили Луиса снова захихикать. Он почувствовал себя полностью истощенным от смеха.

Крандолл кивнул.

– Все в порядке, – сказал он, и это прозвучало: «Все в рядке». А потом старик посмотрел на Речел, – Почему бы вам не прогуляться с малышами к нам, миссис Крид? Мы дадим гашеной извести на примочку. Моя жена будет рада с вами познакомиться. Она почти не выходит из дому. Последние два-три года ее артрит обострился.

Речел взглянула на Луиса, который кивнул.

– Это очень любезно с вашей стороны, мистер Крандолл.

– Зовите меня просто Джад, – сказал старик. Неожиданно раздался протяжный автомобильный гудок, взревел мотор и из-за поворота появился большой грузовик: неуклюже двигаясь, он свернул к их новому дому.

– Боже, а я не знаю, где ключи, – вспомнил Луис.

– Все в порядке, – сказал Крандолл. – Я принесу ключи. Мистер и миссис Кливленд (они жили тут до вас) оставили нам комплект ключей, ох, может, четырнадцать или пятнадцать лет назад. Они долго тут жили. Джоан Кливленд была лучшей подругой моей жены. Она умерла года два назад. Бил переехал в дом престарелых в Оррингтоне. Я верну вам ключи. Во всяком случае, теперь они ваши.

– Вы очень любезны, мистер Крандолл, – заметила Речел.

– Вовсе нет, – сказал он. – Просто надеюсь, у нас в округе снова появится молодежь. – Его речь звучала гораздо экзотичнее для их слуха – слуха жителей среднего запада; что-то вроде «млдеш». – Вы только приглядывайте за дорогой, миссис Крид. По этой дороге ездит много больших грузовиков.

Хлопнула дверь, водитель выпрыгнул из кабины и направился к ним.

В это время Элли, отошедшая чуть подальше, воскликнула:

– Папочка, что это?

Луис, направившийся навстречу шоферу, оглянулся. На краю пустыря, где кончалась лужайка и поднималась высокая летняя трава, начиналась выкошенная тропинка фута четыре шириной. Она вела на холм, изгибаясь среди низких зарослей кустов и пары берез, а дальше исчезала из поля зрения.

– Выглядит как тропинка, – сказал Луис.

– О, кнешно, – улыбаясь проговорил Крандолл. – Когда-нибудь я тебе об этом расскажу, мисси. Хочешь, пойдем и приведем в порядок твоего крошку-брата?

– Ага! – согласилась Элли, а потом с надеждой прибавила. – А гашеная известь жжется?

Глава 4

Крандолл принес ключи, но Луис уже нашел свой комплект. Ключи оказались в углу отделения для перчаток; маленькая коробочка забилась под электропроводку. Выудив ее, Луис пустил грузчиков в дом. Крандолл вручил Луису еще один комплект ключей. Ключи были на старом, тусклом кольце. Луис поблагодарил старика и рассеянно опустил ключи в карман, глядя, как грузчики вносят в дом коробки, кухонную утварь, комоды и другие вещи, которые Криды собрали за десять лет совместной жизни. Сорванные со своих родных мест, они казались жалкими. «Точно дерьмо, рассыпанное по коробкам», – подумал Луис и неожиданно почувствовал печаль, уныние – наверное, это была тоска по родине.

– Сорвались с насиженных мест, – неожиданно рядом с ним произнес Крандолл, Луис аж подпрыгнул.

– Вы говорите так, словно испытали нечто подобное, – проговорил он.

– Пожалуй, нет, – Крандолл зажег сигарету. Пшш! Отшвырнул спичку, ярко вспыхнувшую в ранних сумерках. – Дом на той стороне дороги построил мой отец. Он привез сюда свою жену, и она родила там ребенка. Этот ребенок, родившийся в 1900 году, был я.

– Значит вам...

– Восемьдесят три, – проговорил Крандолл, и Луис вздохнул с облегчением, когда старик не прибавил «года, юноша» – фраза, которую Луис искренне ненавидел.

– Вы выглядите значительно моложе.

Крандолл пожал плечами.

– Я всегда жил здесь. Меня призвали, когда началась Первая Мировая, но конечный пункт, которого я достиг, направляясь в Европу, оказался городок Бауонн в Нью-Джерси. Скверное место. Даже в 1917 году это было

скверное место. Я был так рад вернуться сюда, жениться на моей Норме, работать на железной дороге. Мы прожили здесь всю жизнь. Но я многое повидал тут в Ладлоу. Ей-богу!

Грузчики остановились напротив входа в сарай, держа пружинный матрац от большой двуспальной кровати.

– Куда это, мистер Крид?

– Наверх..., одну минуточку, я покажу вам, – он направился к грузчикам, потом на мгновение остановился, посмотрел назад на Кранзолла.

– Идите. – улыбаясь, сказал Крандолл. – Я прослежу за вашей семьей. Отведу их к себе домой, чтоб они не мешались под ногами. Переезд в новый дом тяжелое занятие, и после него неплохо примочить горло. Я обычно около девяти сажусь на веранде и выпиваю парочку банок пива. В теплую погоду люблю смотреть, как приходит ночь. Иногда Норма составляет мне компанию. Если хотите, приходите.

– Ладно, может быть, приду, – сказал Луис. Он не собирался делать ничего подобного. Следующим шагом будет неофициальное (и бесплатное) обследование артрита Нормы на веранде. Луису понравился Крандолл, понравилась его плутоватая улыбка, бесцеремонные манеры разговора, акцент янки, который сметал части слов, но был мягким, почти тягучим. «Хороший человек. – подумал Луис. – Но врачи быстро начинают зло смотреть на людей. Неприятно, но рано или поздно даже самый лучший друг захочет, чтоб его осмотрели. А у стариков это сплошь и рядом» – Не высматривайте меня, и если меня не будет, ложитесь спать..., у нас выдался адский день.

– Главное, чтоб вы поняли – к нам можно заходить и без письменного приглашения. – сказал Крандолл, и что-то в его плутоватой усмешке заставило Луиса подумать, что старик читает все его мысли.

Мгновение, прежде чем присоединиться к грузчикам, Луис смотрел на старика. Крандолл держался прямо и легко, словно ему было лет шестьдесят, а не восемьдесят. Луис почувствовал первый, слабый порыв сыновней любви.

Глава 5

В девять часов грузчики ушли. Элли и Гадж, оба совершенно измученные, спали, каждый в своей комнате; Гадж в детской кроватке, Элли на матрасе на полу, окруженная горами коробок – миллиарды карандашей, большей частью поломанные или тупые; плакаты с улицы Тысячи и Одной Ночи; книги с картинками: одежда; одни небеса знают, что еще. И Черч, конечно, был с ней, тоже спал и хрипкое ворчание вырывалось из его пасти. Хрипкое ворчание – так мурлыкает большой кот.

Речел беспокойно бродила по дому, освободившись от Гаджа; она смотрела, где какие вещи оставили грузчики, работавшие под предводительством Луиса, начинала приводить вещи в порядок, перекладывать их и перетасовывать. Луис не потерял чек; он до сих пор лежал в нагрудном кармане, среди пяти десятидолларовых купюр, которые он отложил на чаевые. Когда грузовик наконец опустел, Луис передал чек и вручил наличные, кивнув в ответ на благодарности грузчиков, расписался на накладной и остался стоять на веранде, глядя, как большой грузовик задом выезжает с их участка. Наверное, грузчики остановятся в Бангоре и промочат горло, выпив несколько банок пива.

Пара банок пива и ему не помешала бы. Он снова вспомнил о Джаде Крандолле.

Луис и Речел присели у кухонного стола, он увидел синяки у жены под глазами.

– Ты иди, укладывайся, – проговорил он.

– Рекомендация врача? – спросила она, чуть улыбнувшись.

– Конечно.

– Хорошо, – сказала она, поднимаясь. – Меня словно избили. Да и Гадж может ночью проснуться. Ты идешь?

Луис заколебался.

– Пока не собираюсь. Этот старикан с противоположной стороны улицы...

– Дороги. В этой деревне можешь называть ее дорогой. А если бы ты был Джадеоном Крандоллом, думаю, ты назвал бы ее дрогой.

– Хорошо, на противоположной стороне дроги. Он приглашал меня на пиво. Думаю, пойду, хлебну. Я устал, но слишком возбужден, чтобы уснуть.

Речел улыбнулась.

– Закончишь тем, что Норма Крандолл расскажет тебе, что у нее болит и на каком тюфяке она спит.

Луис засмеялся, думая, как потешно.., потешно и пугающе-то, что жены со временем могут читать мысли своих мужей.

– Он был тут, когда мы нуждались в нем, – проговорил Луис. – Думаю, я тоже смогу сделать ему одолжение.

– Ты – мне, я – тебе?

Луис пожал плечами. Он не знал, как сказать жене, что ему вот так, сразу, понравилось общество Крандолла.

– Как его жена?

– Очень милая, – сказала Речел. – Гадж сидел у нас на коленях. Я удивлена, у него был трудный день, а ведь ты знаешь, он быстро не принимает новых людей даже в нормальной обстановке. У нее была куколка, и она дала Елене поиграть с ней.

– Насколько, по-твоему, плох ее артрит?

– Совсем плох.

– Кресло-каталка?

– Нет., но она ходит очень медленно, а ее пальцы... – Речел подняла свои изящные руки и, для примера, изогнула их, превратив кисть в лапу с

когтями. Луис кивнул. – В любом случае, Лу, не задерживайся. У меня мурашки идут по коже, когда я ночью одна в незнакомом доме.

– Не долго он останется для тебя незнакомым, – проговорил Луис и поцеловал ее.

Глава 6

Луис вернулся из гостей, чувствуя себя пристыженным. Никто не просил его осматривать Норму Крандолл, когда он пересек улицу («дрог» – напомнил он себе, улыбаясь). Хозяйка уже ушла спать. Джаз смутным силуэтом маячил на веранде за сеткой от насекомых. Слышался скрип кресла-качалки по старому линолеуму. Луис постучал по сетке от насекомых, которая загремела в раме. Сигарета Крандолла пылала в темной летней ночи, словно большая огненная муха. Из динамика радиоприемника доносился тихий голос, комментирующий игру Красной футбольной Лиги, и от всего этого на Луиса Крида нахлынуло странное чувство: как будто после долгих странствий он вернулся домой.

– Я так и думал, что вы придете, – сказал Крандолл.

– Надеюсь, вы говорили всерьез насчет пива, – входя, сказал Луис.

– Насчет пива я никогда не обманываю, – проговорил Крандолл. – Люди, которые врут насчет пива, наживают себе врагов. Садитесь, Док. Я положил пару банок на лед на всякий случай.

Веранда была длинной и узкой, обставленной ротанговыми стульями и софами. Луис скользнул на одну из них и удивился, как удобно. Под левой рукой оказалась бадья с кубиками льда и несколькими банками «Черной Этикетки». Он взял одну из банок пива.

– Спасибо, – сказал Луис и открыл пиво. Первые два глотка – словно благословение.

– Не за что, – проговорил Крандолл. – Надеюсь, вы тут будете счастливы, Док.

– Аминь, – сказал Луис.

– Послушайте! Если хотите крекеров или еще чего, я могу принести. У меня есть «крысиная вырезка».

– Какая вырезка?

– Кусок рокфора – крысиного сыра, – с улыбкой пояснил Крандолл.

– Благодарю, но я, только пиво.

– Тогда пусть себе там и лежит, – довольно отрыгнул Крандолл.

– Ваша жена легла? – поинтересовался Луис, удивляясь; что его тянет за язык?

– Кнешно. Иногда она остается посидеть. Иногда нет.

– Ее артрит сильно беспокоит, так?

– Вы когда-нибудь видели, чтоб артрит сильно не беспокоил? – поинтересовался Крандолл.

Луис покачал головой.

– Я считаю, дела обстоят сносно, – об яснил Крандолл. – Она почти не жалуется. Хорошая старушка, моя Норма. – В его голосе чувствовалась любовь. С 15 шоссе вынырнул грузовик с цистерной – такой большой и длинной, что на мгновение закрыл от Луиса дом на другой стороне дороги. На боку его в последних лучах солнца можно было едва разобрать: «Оринго».

– Черт возьми, большой грузовик, – заметил Луис.

– Оринго поблизости от Оррингтона, – сказал Крандолл. – Завод по производству химических удобрений. Все время ездят туда-сюда. Нефтяные цистерны, самосвалы, люди, которые утром едут на работу, в Бангор или Бревер, а вечером возвращаются. – Он потряс головой. – Только одна вещь в Ладлоу мне не нравится – это задроченная дорога. Нет покоя из-за нее. Едут весь день и всю ночь. Иногда они будят Норму. Да, черт возьми, меня иногда будят, а я-то сплю, словно мертвый.

Луис, который думал о странном ландшафте Мэйна, как о сверх естественно спокойном, после постоянного рева Чикаго, только покачал головой.

– Скоро арабы перекроют нефть и тогда на белой полосе шоссе будут выращивать африканские фиалки – проговорил Крандолл.

– Может, вы и правы, – Луис приложился к банке и удивился, обнаружив, что она уже пуста. Крандолл засмеялся.

– Вы, док, берите еще бутылочку.

Луис поколебался, а потом сказал:

– Договорились, но только одну. Мне уже пора возвращаться.

– Разумеется. Ведь переезд – чертовски утомительное занятие?

– Да, – согласился Луис, и потом некоторое время они молчали. Приятная тишина, так, словно они знали друг друга долгое время. Чувство, о котором Луис читал в книгах, но которого раньше никогда не испытывал. Он чувствовал себя пристыженно от того, что раньше думал о бесплатном медицинском осмотре Нормы.

По дороге проревела полуторка, ее фары мерцали, как звезды.

– Главная дорога, все правильно, – повторил Крандолл, непонятно к чему, но потом повернулся к Луису. Морщинистый рот растянулся в едва заметной улыбке. Старик воткнул Честерфильд в уголок улыбающегося рта и чиркнул спичкой о ноготь. – Помните тропинку, которую заметила ваша дочь?

Мгновение Луис пытался припомнить; Элли болтала о множестве вещей, перед тем как в изнеможении рухнуть спать. Потом он вспомнил. Широкая, выкошенная тропинка, исчезающая среди деревьев.

– Да. Вы ей пообещали когда-нибудь рассказать об этой тропинке.

– Обещал и расскажу когда-нибудь, – сказал Крандолл – Тропинка длиной мили полторы ведет в лес. Местные ребята, что живут вдоль 15 дороги и Центрального шоссе, следят за ней, потому что часто ею пользуются. Дети приходят и уходят., теперь переезжают намного чаще, чем в те годы, когда я был мальчиком; тогда выбирали место для дома на всю оставшуюся жизнь. Кажется, они даже договорились между собой, и каждую весну кто-

то из них выкашивает тропинку. Все лето они следят за ней. Не все взрослые о ней знают – большинство, конечно, но не все, далеко не все..., но все дети знают о ней. Могу поспорить.

– Вы знаете, куда она ведет?

– На хладбище домашних любимцев, – ответил Крандолл.

– Хладбище домашних любимцев? – удивленно повторил Луис.

– Не так странно, как может показаться вначале, – заметил Крандолл, покуривая и раскачиваясь. – А все дорога. На хладбище домашних любимцев хоронят большую часть домашних животных, и во всем виновата дорога. Собаки и кошки, в основном, но они не одни. Один из грузовиков «Оринго» задавил домашнего енота, который жил у детей Ридера. Это случилось..., боже, должно быть в 73, а может, раньше. Еще до того, как власти запретили держать дома енотов и даже прирученных скунсов.

– Запретили?

– Бешенство, – пояснил Крандолл. – В Мэйне участились случаи бешенства. Неподалеку жил сенбернар, который пару лет назад заразился бешенством, и погибло четыре человека. Вот такая жуткая история. Собаке не сделали прививки. Если бы эти глупые люди следили за тем, чтоб прививки были сделаны, ничего бы не случилось. Но еноту или скунсу можете делать прививку дважды в год, и это не всегда срабатывает. А такого енота, как был у детей Ридера, в старые времена называли «сладким енотом». Он бы, переваливаясь, подошел к вам (господи, ну и жирным он был!) и лизнул бы вас в лицо, словно пес. Они даже заплатили ветеринару, чтобы тот отрезал еноту яйца и сточил когти. Должно быть, это обошлось им в целое состояние! Ридер..., он работал на фирму IBM в Бангоре. Теперь прошло уже лет пять..., а может, и шесть, как они уехали в Колорадо. Странно думать о них, как о взрослых, которые могут водить машину. Горевали они из-за этого енота? Думаю, да. Мэтти Ридер плакал так долго, что его мать испугалась и хотела было вызвать доктора. Со временем он примирился с потерей любимца, но никогда не забудет о нем. Когда любимый зверек выбегает на дорогу и гибнет, ребенок никогда не забывает.

Луис подумал об Элли, представил ее, как видел, перед тем как она

отправилась спать. Черч мурлыкал у ног своей хозяйки.

– У моей дочери есть кот, – сказал Луис. – Уинстон Черчилль. Мы зовем его попросту: Черч.

– Они тянут его гулять?

– Извините? – Луис не понял, что имеет в виду старик.

– У него яйца отрезаны или нет?

– Нет, – сказал Луис. – Нет, его не кастрировали.

Да, это вызывало определенные хлопоты в Чикаго. Речел хотела кастрировать Черча, даже ходила к ветеринару. Луис отговорил ее. Даже сейчас он не мог с уверенностью сказать, почему. Дело было не в том, что он подсознательно сравнивал свое мужское начало с мужским началом кота дочери. Луис возмутился из-за причины кастрации, оказывается, толстую домохозяйку за соседней дверью не должны беспокоить падающие мусорные бачки., хотя это была только часть проблемы; гораздо важнее оказалось сильное, но смутное ощущение, что придется лишиться Черча того, чем сам Луис так дорожил., и полный страданий взгляд зеленых глаз кота. Наконец, Луис сказал Речел, что так как теперь они переезжают в сельскую местность, с этим проблем не будет. А теперь Джадеон Крандолл сообщил ему, что жизнь Ладлоу связана с 15 шоссе и спросил, кастрирован ли кот. Попробуйте хоть немного развеселиться, доктор Крид, это пойдет вам на пользу.

– Я бы его кастрировал, – сказал Крандолл. – Кастрированный кот бродит не так уж много. Если он все время станет бегать туда-сюда через дорогу, удача рано или поздно изменит ему, и он кончит как енот Ридеров, как коккер-спаниель маленького Тимми Десслера или длиннохвостый попугай миссис Брэдли. Но длиннохвостый попугай не перебегал через дорогу, вы же понимаете. Он просто однажды сдох.

– Приму к сведению, – сказал Луис.

– Да уж, примите, – отозвался Крандолл и встал. – Так как насчет еще по пивку? И, верно, придется отрезать кусочек «старого крыса»?

– Да хватит, – ответил Луис, тоже вставая. – Я должен идти. Завтра тяжелый день.

– Поедете в университет?

Луис кивнул.

– Студентов не будет еще недели две, но к тому времени я должен буду полностью разобраться с делами, не так ли?

– Конечно, если вы не знаете, где что лежит, у вас могут появиться проблемы, – Крандолл протянул руку, и Луис пожал ее, не забывая, что старые кости легко начинают болеть. – Приходите в любой день, – сказал старик. – Вам, наверное, захочется познакомиться с Нормой. Думаю, она вам понравится.

– Я тоже так считаю, – сказал Луис. – Приятно было повстречаться с вами, Джад.

– Взаимно. А пока обстраиваетесь. Может, даже поживете тут некоторое время.

– Надеюсь.

Луис вышел на дорожку, вымощенную камнями различной формы, ведущей к дороге, и остановился, пропустить грузовик. В направлении Бакспорта, одна за другой, проехали пять машин. Потом, махнув на прощание, он пересек улицу («дрог») и направился прямо к своему новому дому.

Сонная тишина. Элли не шелохнулась, и Гадж застыл в колыбели, почивая в типичной гаджевской манере, распластавшись на спине, но так, что бутылочка с молоком находилась в пределах досягаемости. Луис постоял, глядя на сына, и его сердце наполнилось любовью, такой сильной, что она показалась почти опасной. Луис решил, что отчасти это просто тоска по Чикаго, к которому привык, людям Чикаго, оставшимся где-то там; людей стертых милями, которые он никогда не сможет преодолеть. «Теперь переезжают намного чаще, чем раньше.., раньше место для дома выбирали на всю жизнь». В этом была определенная правда.

Луис подошел к сыну и, пока никто не видел, даже Речел, поцеловал пальчики малыша, а потом легонько сжал их, на мгновение прикоснувшись к щеке Гаджа сквозь прутья колыбели.

Гадж захихикал во сне и повернулся на другой бок.

– Спи спокойно, малыш, – сказал Луис.

* * *

Луис тихо разделся и скользнул на свою половину постели, устроенной из двух простых матрасов, разложенных прямо на полу. Он почувствовал, как напряжение, накопившееся в течение дня, начинает проходить. Речел не шелохнулась. Призрачно возвышались нераспакованные коробки.

Перед тем как уснуть, Луис приподнялся на локте и выглянул в окно. Их комната находилась в передней части здания, и Луис видел гнездышко Крандоллов на другой стороне дороги. Оно казалось темной тенью (в эту ночь не светила луна), но Луис разглядел янтарный огонек сигареты. «Не ушел спать, – подумал Луис. – Старик еще долго может не ложиться. Старость бедна снами. Может, все старики несут бессрочную вахту... Зачем?»

Луис задумался над этим и незаметно уснул. Во сне он оказался в Диснейленде, ехал на сверкающем белом грузовике с красной полосой на борту. Рядом был Гадж, и во сне ему было лет десять. Черч лежал на белом щитке грузовика, глядел на Луиса ярко-зелеными глазами, а на главной улице возле почтовой станции 1890-х годов Микки Маус жал руки детям, собравшимся вокруг него, его большие мультипликационные перчатки сжимали маленькие, доверчивые ручонки.

Глава 7

Следующие две недели выдались очень хлопотными. Мало-помалу новая работа начала затягивать Луиса (то ли еще будет, когда десять тысяч студентов, многие злоупотребляющие наркотиками и спиртными напитками, некоторые, пораженные венерическими болезнями, слишком рвущиеся к высоким оценкам или окутанные тоской по оставленному в первый раз дому; дюжина из них, в основном девушки, полностью потерявшие аппетит.., то ли еще будет, когда эти студенты заполнят университет). Пока Луис начал вникать в работу, как глава Медицинской Службы университета, Речел начала обстраиваться в доме.

Гадж падал и получал шишки, знакомясь с новым окружением; первое время его никак нельзя было уложить спать вовремя, но к середине второй недели в Ладлоу, он снова стал спать спокойно. Только Элли, которой предстояло пойти в школу в новом месте, всегда казалась чересчур возбужденной и вспыльчивой. То она подолгу хихикала в кулак, то впадала в климактерическую [1](#) депрессию; иногда начинала капризничать из-за случайно брошенного слова. Речел сказала: у Элли это пройдет, когда она увидит, что школа, ожидающая ее в сентябре, совсем не ужасный, огромный красный дьявол, и усвоит это; а Луис подумал, что Речел права. Но большую часть времени Элли оставалась прежним милым ребенком – дорогушей.

Вечерняя банка-другая пива с Джадом Крандоллом стала чем-то обыденным. Когда Гадж снова стал нормально засыпать, Луис начал задерживаться у старика подольше, прихватив с собой банок шесть пива – раз в два-три дня. Он познакомился с Нормой Крандолл, приятной милой женщиной, страдающей от артрита – гнусного, старого, ревматического артрита, портившего жизнь пожилым людям, которые в остальном здоровы... Но в общем отношение Нормы к своей болезни оказалось совершенно правильным. Она не сдалась боли и не выбросила белый флаг. Пусть болезнь возьмет свое, если сможет. Луис прикинул, что у Нормы есть еще пять или семь лет жизни, хотя она проведет их не так уж комфортабельно.

Вопреки своим привычкам, Луис обследовал Норму по собственной инициативе, проверил все лекарства, которые выписал ей доктор, и обнаружил, что все в полном порядке. Он почувствовал разочарование из-за того, что больше ничего не может сделать или предложить ей. Доктор Вейбридж держал болезнь Нормы под контролем, насколько это было возможно. Конечно, всегда оставалась возможность выздоровления, хотя надежды на это было мало. Нужно отвлеченно относиться к проблемам других, иначе самому можно оказаться в психушке.

Речел понравилась Норме, и они скрепили дружбу, обменявшись рецептами, как малыши меняются бейсбольными программками, начиная от яблочного пирога Нормы Крандолл, пирога, который подают в глубокой тарелке, и до бефстроганов Речел. Норме очень понравились дети Кридов – в основном Элли, которая, по словам старой женщины, скоро станет «настоящей старосветской красавицей». Слава богу, сказал этой ночью Луис, уже лежа в постели, что Норма не назвала Элли «настоящим, милым енотом». Речел расхохоталась, да так сильно, что непроизвольно пукнула. После этого они вместе смеялись так долго и громко, что даже разбудили Гаджа, спавшего в соседней комнате.

Начались занятия в школе. Луис, который к этому времени уже полностью разобрался в работе университетского лазарета и медпунктов университета, устроил себе выходной (по правде сказать, в лазарете было совсем пусто; последняя пациентка – студентка, сломавшая ногу летом во время Об единенного Студенческого Марша, выписалась неделю назад). Луис стоял на лужайке перед домом рядом с Речел, державшей на руках Гаджа, когда с шоссе свернул большой желтый автобус и неуклюже остановился перед их домом. Двери автобуса открылись, бормотания и пронзительные крики детей поплыли в мягком сентябрьском воздухе.

Элли бросила странный, полный отчаяния взгляд через плечо, словно спрашивая родителей: может быть, еще остановить этот неизбежный процесс, и, наверное то, что она прочитала на их лицах, убедило ее: уже поздно, все, что последует дальше – неизбежно, как развитие артрита Нормы Крандолл. Элли отвернулась и залезла в автобус. Двери закрылись, довольно чмокнув. Автобус покатило дальше. Речел разрыдалась.

– Ради всего святого, не надо, – проговорил Луис. Он не плакал, но и у него на душе кошки скребли. – Елены не будет всего полдня.

– Даже полдня слишком долго, – ответила Речел срывающимся голосом и зарыдала еще пуще. Луис обнял ее, а Гадж обвил ручонками шею родителей. Когда Речел рыдала, Гадж обычно вторил ей. Но не в этот раз. «Теперь наше внимание будет отдано только ему, и он прекрасно это понимает», – подумал Луис.

* * *

Они с трепетом ждали возвращения дочери. Выпили так много кофе, переволновались о том, как ей в школе. Луис вышел в заднюю комнату, которую оборудовал под кабинет, и пытался убить время, передвигая бумаги с места на место – единственное, чем он сейчас мог заниматься. Речел приготовила ленч до смешного рано.

Когда в четверть одиннадцатого позвонил телефон, Речел подняла трубку и не дыша ответила:

– Алло? – она сделала это прежде, чем телефон прозвонил во второй раз. Луис застыл в дверях между кабинетом и кухней, уверенный: это звонит учительница, сказать им, что у Элли ничего не получится: желудку общественного образования не удалось переварить Елену и он исторг ее обратно. Но звонила Норма Крандолл, сказать, что Джад собрал остатки кукурузы, и Криды могут забрать дюжину початков, если хотят. Луис, прихватив сумку для покупок, пошел к Крандоллам и сердито высказал Джаду за то, что старик не позвал его помочь собрать урожай.

– Да, ладно, урожай все равно дерьмовый, – ответил на это Джад.

– Не употребляй таких выражений в моем присутствии, – вмешалась Норма. Она принесла на веранду охлажденный чай на старом подносе «кока-кола».

– Извини, моя любовь.

– И выдумаете, что ему стыдно? – спросила Норма Луиса и, морщась от боли, присела.

– Мы видели, как Элли укатила на автобусе, – сказал Джад, зажигая Честерфильд.

– С ней все будет в порядке, – добавила Норма. – С ними почти всегда так.

«Почти», – содрогнувшись, подумал Луис.

* * *

Но с Элли действительно оказалось все в порядке. После полудня она приехала домой, улыбаясь, радостная; ее синее платье «первого школьного дня» милым колокольчиком покачивалось над стесанными коленками. В руках у девочки была картина, на которой было нарисовано не то два ребенка, не то два самоходных крана; шнурки на одной туфле развязались, и одна ленточка расплелась. Элли кричала:

– Мы пели «Старого МакДональда»! Мамочка! Папочка! Мы пели «Старого МакДональда»! Того самого, что по телику поют в кортосейской школе!

Речел посмотрела на Луиса, который сидел на подоконнике, посадив Гаджа на колени. Малыш почти уснул. Что-то печальное было во взгляде Речел, и хотя она быстро отвернулась, Луис на мгновение почувствовал ужасное смятение. «Мы в самом деле начинаем стареть, – подумал он. – Это на самом деле правда. Никто не сделает для нас исключение. Теперь Элли пойдет своей дорогой.., а мы своей».

Элли подбежала к нему, пытаясь показать ему картину, новую ссадину на колене и рассказать о «Старом МакДональде» и миссис Берримен – все одновременно. Черч терся у ее ног, громко мурлыкая, и просто чудо, что ни разу Элли не споткнулась о него.

– Ш-ш-ш, – сказал Луис и поцеловал дочь. Гадж уснул, не поддавшись всеобщему оживлению. – Только дай мне положить крошку на кровать, а потом я все выслушаю.

Он отнес Гаджа вверх по лестнице, прошел под горячими косыми лучами, а когда достиг лестничной площадки, страшное предчувствие – предчувствие надвигающегося ужаса и темноты накатило на него. Луис остановился.., застыл на месте.., и удивленно огляделся, пытаясь понять, что происходит. Он крепче сжал крошку, почти стиснул его, и Гадж, почувствовав себя неудобно, зашевелился. Руки и спина Луиса покрылись

гусиной кожей.

«Что случилось?» – удивился Луис; он смутился и испугался. Его сердце учащенно забилося, голове стало холодно и неожиданно у Луиса зашевелились волосы. Он почувствовал, как под действием адреналина увеличивается давление глазного дна. Действительно, глаза могут вылезти из орбит, когда человек испытывает смертельный ужас – Луис знал об этом; в таких случаях не только расширяются зрачки, а сами глаза выпячиваются, когда поднимается кровяное давление, а из-за увеличения кровяного давления увеличивается гидростатическое давление внутричерепной жидкости. «Что это, черт побери? Духи? Боже, я чувствую себя так, словно в этом коридоре мимо меня что-то проскользнуло. Еще мгновение, и я сумел бы разглядеть, что это».

Внизу сильно хлопнула дверь веранды.

Луис Крид подскочил, вскрикнув, а потом засмеялся. Это был просто один из тех «холодных карманов»², которые появляются иногда.., ни больше, ни меньше. На минуту возникший карман. Так случилось и раньше, вот и все. Что сказал Скрудж духу Джекоба Марли? «Может быть, вы вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины, или лишняя капля горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренная картофелина. Может, вы явились не из царства духов, а из духовки, почем я знаю!» И хотя Диккенс вряд ли это понимал, на сам он деле это было совершенно верно не только с точки зрения психологии, но и физиологии. Духов не существует. По крайней мере, Луис ничего подобного раньше не встречал. Луис несколько десятков раз сталкивался со случаями с летальным исходом и никогда не наблюдал такого явления как «исход души».

Луис отнес Гаджа в его комнату и уложил малыша в колыбельку. Когда он укутал сына одеялом, мурашки снова побежали у него по спине, и неожиданно он подумал о «выставочном зале» дяди Карла. Там не было ни машин, ни телевизоров, со всеми этими новомодными штучками, ни посудомоечных машин со стеклянной передней стенкой, устроенной так, чтоб вы видели, как действует волшебная пена. Только гробы с поднятыми крышками, и над каждым была заботливо установлена лампа для подсветки. Брат его отца был владельцем похоронного бюро.

«Великий боже, почему ты насылаешь такие ужасы? Отгони их! Уничтожь

их!»

Луис поцеловал сына и пошел послушать рассказ Элли о ее первом учебном дне.

Глава 8

В субботу, после того как закончилась первая школьная неделя Элли, до того как университетские ребята вернулись в университетский городок, Джад Крандолл, перейдя дорогу, направился к лужайке, на которой расположилась семья Кридов. Элли слезла с велосипеда и пила из стаканчика охлажденный чай. Гадж ползал по траве, изучал жуков, может, даже с ел нескольких. Он был неразборчив в выборе протеинов.

– Джад, – начал Луис, поднимаясь. – Присаживайтесь.

– Не нужно, – Джад был в джинсах и рубашке с вырезом, открывающим горло, зеленых резиновых сапогах. Он посмотрел на Элли. – Ты все еще хочешь взглянуть, куда ведет вон та дорожка, Элли?

– Да! – воскликнула она, немедленно вскакивая. Ее глаза засверкали. – Джордж Бак в школе говорил мне, что там хладбище домашних любимцев; я сказала об этом мамочке, но она велела подождать вас, потому что вы точно знаете, где оно.

– Да, я знаю, – согласился Джад. – Если родители разрешат, мы прогуляемся туда. Только надень сапоги. Там кое-где очень сыро.

Элли помчалась в дом.

Джад с удивлением посмотрел ей вслед.

– Может, вы, Луис, тоже захотите прогуляться с нами?

– Да, – ответил Луис и посмотрел на Речел. – Ты хочешь пойти, дорогая?

– А как же Гадж? Я думаю, тут идти с милю.

– Я посажу его в подвеску.

Речел засмеялась.

– Ладно.., но только понесете его вы, мистер.

* * *

Они вышли через десять минут. Все, кроме Гаджа, были в резиновых сапогах. Гадж сидел в подвеске и смотрел вперед через плечо Луиса круглыми глазами. Элли постоянно забегала вперед, пугала бабочек и рвала цветы.

Трава на пустыре оказалась почти по пояс и, позолоченная осенью, шуршала последними летними новостями, которые каждый год превращались в осенние сплетни. Но сегодня осени еще не чувствовалось в воздухе; сегодня солнце светило как в августе, хотя по календарю август закончился почти две недели назад. Достигнув вершины первого холма, они пошли по выкошенной тропинке. На рубашке Луиса проступили большие пятна пота.

Джад остановился. Сперва Луис подумал, что старик устал, но потом он увидел пейзаж, открывающийся у них за спиной.

– Здесь красиво, – проговорил Джад, зажав в зубах соломинку. Луис решил, что услышал типичное преуменьшение янки.

– Тут прекрасно, – выдохнула Речел, а потом повернулась к Луису и сказала почти обвиняюще: – Почему ты не говорил мне, что тут так красиво?

– Потому что не знал, – ответил Луис немного пристыженно. Они все еще находились на своем участке, но раньше у Луиса никак не находилось свободного времени, чтобы забраться на холм позади дома.

Элли ушла далеко вперед. Теперь она вернулась и тоже глядела с искренним удивлением. Черч терся о ее лодыжки.

Холм был невысок, но его высоты оказалось достаточно. На востоке все закрывал густой лес, а на западе простирались золотистые земли, грезящие летними снами. Всюду тихо, все неподвижно. Даже бензовозы «Оринго» не нарушали тишины.

Конечно, они увидели речную долину Пенобскота, где когда-то по реке сплавляли бревна на север в Бангор и Дерри. Холм находился к югу от Бангора и чуть севернее Дерри. Река тут была широкой и медленной, словно крепко уснувшей. Луис видел вдали Гамфден и Винтерпорт, видел протянувшуюся туда параллельно реке, до самого Бакпорта, черную змею 15 шоссе. Криды смотрели на реку, окруженную буйной зеленью деревьев, на дорогу и поля. Шпиль Северной Ладлоудской Баптистской церкви пронзил балдахин старых вязов, а справа Луис увидел массивное, квадратное кирпичное здание школы Элли.

Над головой к горизонту медленно плыли белые, словно выцветшие облака. Где-то там протянулись поля, которые сейчас, в конце сезона стояли пустыми: дремлющие, а не мертвые, отдыхающие под паром поля, невероятного, рыжего цвета.

– Великолепно – вот верное слово, – наконец сказал Луис.

– В старые дни этот холм называли Холмом Панорамы, – заметил Джад. Он сунул сигарету в уголок рта, но не закурил. – Некоторые до сих пор продолжают его так называть, но теперь, когда молодежь переехала в город, об этом месте забыли. Не думаю, чтоб тут бывало много народу. Снизу кажется, что отсюда ничего не увидишь, ведь холм не так уж высок. Но вы видите... – он обвел рукой открывающуюся панораму и замолчал.

– Можно увидеть все, – сказала Речел низким, почтительным голосом. Она повернулась к Луису. – Милый, неужели это принадлежит нам?

Раньше, чем Луис ответил, Джад сказал:

– Конечно. Это – часть вашей собственности.

«А это совсем не одно и то же», – подумал Луис.

* * *

В лесу оказалось холоднее, может, градуса на три или четыре. Тропинка стала шире и местами была отгорожена цветками в горшках или банках из-под кофе (большей частью цветки давно увяли), выстелена сухими хвойными иголками. Они прошли с четверть мили, двигаясь вниз по склону, когда Джад позвал Элли.

– Хорошая тропинка для маленьких девочек, – дружелюбно проговорил он, – и я хочу, чтобы ты пообещала матери и отцу, что, если и придешь сюда без них, всегда будешь ходить только по тропинке.

– Обещаю, – быстро сказала Элли. – А почему?

Старик посмотрел на Луиса, который вместе с остальными остановился передохнуть. Нести малыша Гаджа оказалось тяжело, несмотря на то, что в тени старых канадских елей и сосен было прохладно.

– Знаете, где вы? – спросил Джад Луиса.

Луис подумал и отверг ответ типа: Ладлоу, северная часть Ладлоу, позади дома, между 15 шоссе и главной магистралью, и покачал головой.

Джад ткнул пальцем назад, через плечо.

– В той стороне цивилизация, – сказал он. – Там город. А там ничего нет – только лес миль на пятьдесят или больше. Северные Леса Ладлоу – так они называются, но сюда же попадает маленький уголок Оррингтона, если ехать к Рокфорду. Они граничат с теми землями, о которых я вам рассказывал, теми, что хотят вернуть себе индейцы. Я знаю, смешно так говорить, когда ваш хорошенький, маленький дом стоит на главном шоссе, и у вас есть телефон, электричество, кабельное телевидение и все остальное, но он на границе диких мест., это так, – старик снова посмотрел на Элли. – Я говорю к тому, что ведь ты же не хочешь заблудиться в этих лесах, Элли. Ты можешь потерять тропинку и, бог знает где ты можешь

очутиться.

– Я не хочу заблудиться, мистер Крандолл, – на Элли рассказ Джада произвел должное впечатление, припугнул, но не испугал, как заметил Луис. Речел, однако, с опаской посмотрела на Джада, и Луис почувствовал, что у него тоже остался неприятный осадок. «Почти инстинктивный страх рожденных в городе перед лесом», – предположил Луис. Он не держал в руках компаса с тех пор как был бойскаутом, лет двадцать назад, и его воспоминания о том, как определить направление по Полярной звезде, и с какой стороны у деревьев растет мох, были такими же смутными, как инструкции по завязыванию [3](#) и затяжной петли.

Джад, посмотрев на них, чуть улыбнулся.

– С тысяча девятьсот тридцать четвертого года никто не терялся в этих лесах, – проговорил он. – По крайней мере, никто из местных. Последним заблудившимся был Уилл Джеппсон – небольшая потеря. Я считаю, что если исключить Станни Бучарда, Уилл был самым большим пьяницей по эту сторону Бакспорта.

– Вы сказали: «никто из местных», – заметила Речел, и голос ее звучал не совсем обычно, а Луис почти точно смог угадать ход ее мыслей: «Мы-то не местные, во всяком случае пока еще».

Джад помолчал, потом кивнул.

– Каждые два-три года теряется кто-нибудь из туристов, потому что они думают: нельзя заблудиться рядом с шоссе. Но никто из них не потерялся по-настоящему, миссис. Не беспокойтесь.

– А здесь водятся лоси? – боязливо спросила Речел, и Луис улыбнулся. Если Речел хочет беспокоиться, то найдет причину.

– Да, мы можем увидеть лося, – сказал Джад, – но он не беспокоит нас, Речел. Во время сезона спаривания они становятся раздражительными, но в другое время только наблюдают за людьми издалека. Обычно те, на кого они бросаются – люди из Массачусетса. Не знаю почему, но факт. – Луис подумал, что старик шутит, но не был в этом уверен. Джад выглядел совершенно серьезным. – Я наблюдаю это время от времени. Какой-нибудь придурок из Саугуса, Милтона или Вестона лезет на дерево, вопя о стаде

лосей, каждый из которых размером с моторный катер. Кажется, что лоси чуют приехавших из Массачусетса, будь то мужчина или женщина. А может, запах новой одежды от Л. Л. Беана.., не знаю. Мне хотелось бы, чтобы один из студентов колледжа, специализирующийся в животноводстве, изучил это явление, но, наверное с моей стороны это – пустые надежды.

– Что такое «сезон спаривания»? – поинтересовалась Элли.

– Не забивай голову, – обрезала Речел. – Я не хочу, чтобы ты ходила сюда без сопровождения взрослых, Элли. – Речел шагнула поближе к Луису.

Джад выглядел огорченным.

– Я не хотел пугать вас, Речел... ни вас, ни вашу дочь. Не нужно бояться лесов. Тут есть хорошая тропа: она становится слегка болотистой весной, и всегда немного грязна... кроме 55 года, когда выдалось самое сухое лето на моей памяти... но, черт возьми, тут нет ни ядовитого плюща, ни одного ядовитого вяза из тех, что вызывают аллергию и растут на заднем дворе школы.., а ты, Элли, должна держаться подальше от тех деревьев, если не хочешь недели три провести, принимая разнообразные ванны.

Элли, прикрыв рот, захихикала.

– Это – безопасная тропа, – искренне сказал Джад, обращаясь к Речел, которая до сих пор не выглядела убежденной. – Я уверен, что даже Гадж смог бы пройти по ней. Да и ребята из города часто бывают тут, я уже говорил об этом. Они следят за тропинкой. Никто не говорит им, чтоб они следили, но они следят. А я не хотел бы напугать Элли. – Он наклонился к девочке и подмигнул. – Это, как и многое другое в жизни, Элли. Ты держись тропинки, и все хорошо; ты сходишь с тропинки и должна знать, что потеряешься, удача оставит тебя. Тогда кому-то придется вызывать отряд спасателей.

* * *

Они пошли дальше. У Луиса от ноши стала болеть спина. Время от времени Гадж хватал обеими руками Луиса за волосы и с энтузиазмом тянул за них или, подгоняя, начинал пинать Луиса по почкам. Москиты облепили лицо и шею Луиса, гудя в ушах.

Дорожка повернула вниз, исчезла меж двух старых елей и снова появилась с другой стороны, а потом рассекла широкой просекой колючий, переплетенный подлесок. Идти тут было тяжело: сапоги Луиса хлюпали по грязи и застоявшейся воде. В одном месте они смогли пройти дальше, ступая по болотным кочкам как по путеводным камням. Это оказалось самое плохое место. Потом они начали снова карабкаться наверх, и вокруг снова появились деревья. Гадж, казалось, волшебным образом прибавил фунтов десять, а воздух при помощи какой-то зловредной магии стал теплее градусов на десять. Пот катил по лицу Луиса.

– Как ты, дорогуша? – спросила Речел. – Хочешь я немного понесу малыша?

– Нет, все в порядке, – ответил Луис, и это было правдой, хотя его сердце сильно колотилось в груди. Честно говоря, он с куда большей охотой советовал своим пациентам физические упражнения и отнюдь не горел желанием сам заниматься физкультурой.

Джад шел рядом с Элли; ее лимонно-желтые девичьи брюки и красная блуза ярким пятном выделялись в коричнево-зеленом полумраке теней.

– Луис, ты уверен, что старик знает куда идти? – спросила Речел тихим, слегка встревоженным голосом.

– Конечно, – ответил Луис.

– Уже недалеко осталось... – ободрительно бросил через плечо Джад. – Луис, как ты?

«Мой бог, – подумал Луис, – человеку за восемьдесят, но не думаю, чтобы он хоть чуть-чуть вспотел».

– Я в порядке, – ответил Луис сзади немного вызывающе. Возможно, гордость не позволила ему пожаловаться, даже если бы он почувствовал, что у него отнялись ноги. Он усмехнулся, подтянул пояс подвески и снова полез вверх.

Они забрались на вершину второго холма, тропинка скользнула через высокие кусты и стала петлять в подлеске, сузилась и потом Луис увидел, как Элли и Джад, идущие впереди, прошли под арку, сделанную из старых выцветших досок. Там была надпись выцветшей черной краской, еще достаточно разборчивая:

Хладбище домашних любимцев.

Луис обменялся с Речел удивленными взглядами. Они вошли под арку, инстинктивно потянувшись друг к другу и взявшись за руки, словно во время венчания.

Второй раз за это утро Луис оказался удивлен чем-то необыкновенным.

Тут не было ковра хвойных иголок. Вместо иголок – почти правильный круг выкошенной травы, около сорока футов в диаметре, с трех сторон он граничил с густым подлеском, а с четвертой стороны дорогу закрывал бурелом из упавших деревьев, который выглядел зловещим и опасным. «Человек, который попытается продраться через этот бурелом, должен надеть стальные штаны», – подумал Луис. Поляна была переполнена надгробиями, сделанными из того, что смогли выпросить или позаимствовать дети – из досок от ящиков, просто деревянного лома, разрезанных банок – кусков белой жести. И, конечно, вид ограды из низких кустов и растущие в беспорядке деревья (которые боролись за жизненное пространство и солнечный свет), сам факт, что они специально посажены; то, что человек создал это, усиливало ощущение симметрии. Лес на заднем плане придавал кладбищу безумное очарование, но нехристианское, а языческое.

– Тут мило, – сказала Речел, но ее слова прозвучали так, словно она имела в виду совсем другое.

– Здорово! – закричала Элли.

Луис снял с плечей Гаджа, вытащил его из подвески, так, чтоб ребенок мог поползать самостоятельно, и с облегчением распрямил спину.

Элли перебегала от одной могилки к другой, охая над каждой. Луис последовал за ней, оставив малыша под присмотром Речел. Джад сел, скрестив ноги, прислонившись спиной к выступающему из земли камню, и закурил.

Луису показалось, что это место обладает некой упорядоченностью, планировкой; могилы располагались грубыми концентрическими кругами.

«Кот Смаки» – гласила одна из надписей. Видно, что писала рука ребенка, но написано было аккуратно. «Он был послушным», – а ниже: «1971 – 1974», пройдя вдоль внешнего круга, Луис подошел к обломку природного сланца с поблекшим, но хорошо разборчивым именем, написанным красной краской: «Кусун», а ниже такие строфы: «Кусун, Кусун – адский Фыркун. Пока он не умер, мы были счастливы».

– Кусун был коккер-спаниелем Десслеров, – объяснил Джад. Он вырыл небольшую ямку в земле пяткой ботинка и осторожно стряхнул туда пепел сигареты. – В прошлом году его переехала какая-то колымага. Ну как вам стишок?

– Ничего, – согласился Луис.

Некоторые из могил были украшены цветами, кое-где свежими, но по большей части старыми, а на некоторых могилах полностью сгнившими. Больше половины нарисованных краской и написанных карандашами надписей, которые пытался прочитать Луис, стерлись частично или полностью. Иные вообще нельзя было разобрать, и Луис решил, что их писали мелом или пастелью.

– Мам! – воскликнула Елена. – Здесь даже золотая рыбка похоронена! Подойди, посмотри!

– Я лучше постою здесь, – ответила Речел, и Луис взглянул на нее. Его жена стояла в одиночку за пределами внешнего круга и, казалось, ей неприятно было тут находиться. Луис подумал: «Даже здесь ей не по себе». Ей всегда было особенно тяжело, когда она оказывалась лицом к лицу с атрибутами Смерти (да и кто в таком случае чувствует себя совершенно свободно), и все из-за ее сестры. Сестра Речел умерла молодой: ее смерть оставила шрам в душе Речел, о котором Луис узнал сразу после свадьбы и который старался не задевать. Сестру Речел звали Зельдой, и умерла она от спинномозгового менингита. Она, видимо, долго и тяжело болела, а Речел была впечатлительным ребенком. Если Речел хотела забыть это, то Луис считал, что лучше не бередить рану.

Луис подмигнул ей, и Речел благодарно улыбнулась в ответ. Он посмотрел

вверх. Они находились на естественной прогалине. Луис решил, что именно этим объясняется то, что тут так хорошо растет трава: она без помех впитывала тепло солнца. Тем не менее, траву нужно было поливать и тщательно о ней заботиться. Это значит бидоны воды, которые нужно тащить наверх, или индейские помпы, более тяжелые, чем Гадж, которого он с таким трудом дотащил сюда. Луис удивился: как странно, что дети так долго сохраняют это место. Собственные воспоминания о детском энтузиазме, подтвержденные общением с Элли, говорили, что такой энтузиазм сгорает словно газета – быстро.., страстно – слишком быстро для такого понятия, как Смерть.

Чем дальше, тем старше становились могилы домашних любимцев, все меньше и меньше надписей можно было разобрать, но те, что не уступили грубому натиску времени, уводили в прошлое. «Трикси, убитый на шоссе 15 сентября 1968 года». В одном из рядов стояла широкая доска, вогнанная глубоко в землю. От морозов и оттепелей ее покорило и скривило на один бок, но Луис смог прочесть: «В память о Марте, нашей любимице-крольчихе, умершей 1 марта 1965 года». В следующем ряду было: «Генерал Паттион. Наш! Хороший! Пес! Умер в 1958 году». «Полинезия» (попугайха, если Луис правильно запомнил рассказ своего Дулитла⁴), которая пронзительно прокричала свое последнее: «Поли хочет печенья» летом 1953 года. На могилах в следующих двух рядах ничего нельзя было прочесть, а потом все еще на большом расстоянии от центра, Луис прочитал грубо высеченную надпись на куске песчаника: «Ганнан – лучшая собака из всех, что когда-либо жили 1929 – 1939». Хотя песчаник был относительно мягким камнем (в результате, ныне надпись превратилась не более чем в тень), Луис обнаружил, что ему трудно представить себе те долгие часы, которые должен был провести здесь какой-то ребенок, пытаясь воспроизвести на камне эти слова. Такие глубокие чувства потрясли Луиса: дети для своих домашних любимцев сделали то, что не всякие сделают для родственника, и даже для своего ребенка, если тот умер рано.

– Господи, это все, должно быть, началось очень давно, – сказал Луис Джаду, подошедшему к нему. Джад кивнул.

– Идите сюда, Луис. Хочу кое-что вам показать.

Они подошли к третьему ряду от центра. Здесь концентрическое

расположение могил, которое во внешних рядах казалось почти случайным, было совершенно очевидным. Джад остановился перед маленькой, упавшей надгробной доской. Осторожно, опустившись на колени, старик поправил надгробие.

– Тут когда-то были слова, – проговорил Джад. – Я нацарапал их сам, но они стерлись давным-давно. Я похоронил тут моего пса, Спота. Он умер от старости в 1914 году, в тот год, когда США ввязались в Первую Мировую.

Ошеломленный мыслью о том, что он находится на кладбище для животных, которое имеет более долгую историю, чем большинство кладбищ для людей, Луис пошел вперед, к центру, разглядывая надписи. Но ни одну из них нельзя было прочесть, многие надгробия попадали на землю. Одно из надгробий почти полностью скрылось в траве, и, когда Луис приподнял его от земли, донесся протестующий звук, похожий на тихий стон. Слепые жуки копошились на земле, которую Луис открыл солнечному Свету. Ощувив легкий холодок, Луис подумал: "Вот те, кто живет у Подножия Холма⁵... Не уверен, что мне это нравится".

– Как давно тут начали хоронить?

– Даже не представляю, – ответил Джад, засунув руки глубоко в карманы. – Конечно, это место уже существовало, когда умер Спот. В те дни у меня была целая компания приятелей. Они помогли мне вырыть могилу Слоту. Копать здесь нелегко – земля словно каменная..., знаете ли; трудно копается. А иногда я помогал им, – старик показал на несколько могил мозолистым пальцем. – Там зарыта собака Лита Лавассеура, если я правильно помню, а там три котенка из помета кошки Албиона Гроатли. Они похоронены в ряд. Старик Фритчи держал почтовых голубей. Я, Ал Гроатли и Карл Ганнах похоронили одного из них, когда до него добралась собака. Вон там, – старик задумавшись, сделал паузу. – Я – последний из этой компании. Все остальные умерли. Все из моей компании. Все.

Луис ничего не говорил, просто стоял и смотрел на могилы домашних любимцев, засунув руки в карманы.

– Земля каменистая, – повторил Джад. – Тут нельзя ничего высаживать, только разве что мертвецов.

На другой стороне кладбища тоненьким голоском заплакал Гадж; Речел

подняла его, взяла на руки.

– Он голоден, – сказала она. – Думаю, мы должны вернуться, Луис.
«Пожалуйста, согласись!» – говорили ее глаза.

– Ладно, – проговорил Луис. Он снова забросил за спину подвеску и повернулся так, чтобы Речел смогла пристегнуть малыша. – Элли! Элли, где ты?

– Она там, – проговорила Речел и показала на бурелом. Элли ползала по бурелому как по школьной шведской стенке.

– Дорогая, ты хочешь упасть оттуда! – проговорил Джад, встревожившись. – Ты провалишься в какую-нибудь дыру. Эти старые деревья сдвинутся, и ты сломаешь лодыжку.

Элли спрыгнула.

– Ох! – воскликнула она и побежала прямо к ним, потирая бедро. Кожа содрана не была, но сухая ветвь порвала ее штаны.

– Видишь, что я имел в виду, – проговорил Джад, взъерошив ей волосы. – Даже люди, хорошо знающие лес, никогда не лезут через старый бурелом, если его можно обойти стороной. Деревья, сваленные в кучу, становятся злыми. Они бы укусили тебя, если б смогли.

– В самом деле? – спросила Элли.

– В самом деле. Они навалены тут, словно солома. И если ты попытаешься полезть дальше, они могут обрушиться на тебя.

Элли посмотрела на Луиса.

– Это правда, папочка?

– Думаю так, дорогуша.

– Ух! – Елена посмотрела назад, на бурелом и воскликнула. – Вы порвали мои штаны! Вы – дерьмовые деревья!

Все трое прыснули со смеха. Бурелом не ответил. Он стоял, белея на солнце, как стоял десятилетия. Луису он напоминал скелет – останки какого-то давным–давно умершего чудовища, нечто убитое славным, добрым языческим рыцарем. Кости дракона, лежащие тут огромным надгробным памятником.

Луису уже тогда показалось, что есть что-то в этом буреломе. Он стоял между хладбищем домашних любимцев и лесными дебрями, лесами, которые Джад Крандолл позже иногда называл «Индийскими лесами». Бурелом казался чем-то слишком хитроумным, слишком совершенным для природного образования. Он...

Тут Гадж схватил Луиса за ухо и закрутил, счастливо гукая, и Луис забыл о буреломе в лесу за хладбищем домашних любимцев. Пришло время идти домой.

Глава 9

Элли подошла к отцу на следующий день рано утром. Выглядела она обеспокоенной. Луис работал над моделью в своем кабинете. Роллс-Ройс «Серебряный призрак» 1917 года – 680 деталей, 50 движущихся частей. Модель была почти готова, и Луис уже представлял себе шофера в ливрее, выходца из английских кучеров восемнадцатого-девятнадцатого столетия, величественно восседающего за рулем.

Луис помешался на моделях в десять лет. Начав со «Спэда» Первой Мировой, который подарил ему дядя Карл, Луис собрал большинство аэропланов «Ревела», и с десяти до двадцати лет делал вещи большие по размеру и намного более сложные. Он прошел период кораблей в бутылках и период военных машин, период, когда делал копии ручного оружия, такие реалистичные, что верилось: оно не может не выстрелить, если надавить на курок – кольты, винчестеры, люгеры и даже «бантлин спешал». Но последние пять лет или около того было отдано большим кораблям для круизов. Модель «Луизианы» и одна из моделей «Титаника» стояли на полках в его кабинете в лазарете университета, а «Андреа Дория», законченная только-только перед тем как они покинули Чикаго, ныне совершала круизы на камине в их гостиной. Теперь Луис перешел к классическим автомобилям, а если все сохранится как есть, пройдет четыре-пять лет, так он предполагал, прежде чем желание делать что-то новенькое захлестнет его. Речел смотрела на это, его единственное настоящее хобби, с поистине женским снисхождением, которое, по мнению Луиса, несло в себе элемент легкого презрения. Даже после десяти лет совместной жизни, она, кажется, думала, что когда-нибудь Луис повзрослеет. Возможно, отчасти такое отношение передалось ей от отца, который до сих пор так же сильно, как и в то время, когда Речел и Луис поженились, верил, что Луис для зятя слишком большая жопа.

«Может, Речел права, – думал Луис. – Может, проснувшись как-нибудь утром, когда мне исполнится тридцать семь, я сложу все эти модели на чердаке и займусь дельтапланеризмом». Между тем Элли выглядела серьезно настроенной. Луис услышал разносящийся далеко в чистом

воздухе воскресный колокольный звон, созывающий паству.

– Пап, – начала Элли.

– Привет, ягодка. Что, случилось?

– Да ничего, – ответила девочка, но выражение ее лица говорило об обратном; по ее лицу было видно, что проблем куча, да еще каких, благодарю покорно! Ее волосы были только что расчесаны и свободно спадали ей на плечи. В таком освещении они казались намного светлее, чем каштановые, хотя со временем они безусловно потемнеют. Елена надела нарядное платье, и это навело Луиса на мысль, что его дочь почти всегда по воскресеньям надевает платье, хотя Криды не ходили в церковь.

– Что ты строишь, пап?

Осторожно приклеивая крыло, Луис повернулся к дочери.

– Посмотри, – сказал он и осторожно дал ей колпаки на колеса. – Видишь, сюда пойдут колпаки со сдвоенным R? Крошечная деталь, правда? Если бы мы полетели в Шутаун на День благодарения [6](#) на реактивном L– 1011, ты бы увидела на двигателях те же сдвоенные R.

– Большое дело – крышки на колеса! – девочка положила деталь назад.

– Ради бога, – взмолился Луис. – Имея собственный Роллс-Ройс, можно называть их крышками на колесах. Имея достаточно денег, чтобы купить Роллс, можно немного важничать. Когда я заработаю второй миллион, непременно куплю себе «Роллс-Ройс Корнич». Потом, когда Гаджу станет плохо в машине, он сможет рыгнуть на чехлы настоящей кожи. – «И, кстати, Элли, что же у тебя на уме?» С Элли такие фокусы не срабатывали. Ее нельзя было спрашивать прямо. Елена всегда вела себя осторожно и могла решить, что не стоит высказывать свои мысли вслух. Этой чертой ее характера Луис иногда просто восхищался.

– А мы богаты, папочка?

– Нет, – ответил он, – но и голодать не будем.

– Майкл Барнс в школе сказал, что все врачи богатые.

– Ладно. Можешь сказать Майклу Барнсу, что многие врачи становятся богатыми, но для этого нужно проработать лет двадцать..., и невозможно стать богатым, работая в университетском лазарете. Становятся богатыми специалисты: гинекологи, ортопеды или неврологи. Они быстро богатеют. А у терапевтов, вроде меня, это занимает много времени.

– Тогда почему, папочка, ты не стал специалистом?

Луис снова подумал о своих моделях и о том, почему больше не захотел строить военных самолетов; о том, как забросил танки типа «Тигр» и ручное огнестрельное оружие; о том, как решил (среди ночи, так казалось в ретроспективе), что строить корабли в бутылках просто глупо; и еще Луис подумал: на что будет похоже, если он потратит всю жизнь, оберегая детские ножки от плоскостопия или, надев тонкие латексные перчатки, станет всю жизнь прощупывать указательным пальцем канал вагины, изучая опухоли или повреждения.

– Мне это определенно не нравится, – сказал он.

В кабинет вошел Черч, остановился, изучая обстановку ярко-зелеными глазами. Потом он тихо запрыгнул на подоконник и, удобно устроившись, решил вздремнуть.

Элли посмотрела на кота и нахмурилась. Луис был поражен; такое поведение дочери выглядело чересчур странным. Обычно Элли смотрела на Черча с любовью, такой сильной, что это слегка шокировало. Элли прошлась по кабинету, разглядывая разные модели, и почти небрежно сказала:

– Мальчишки многих похоронили на хладбище домашних любимцев, ведь так?

«Ах, вот в чем дело», – подумал Луис, но не стал озираясь, а, изучив инструкции, начал приделывать на Роллс габаритные фары.

– Пожалуй, – наконец ответил он. – Мне кажется, больше сотни домашних зверьков.

– Папочка, почему животные не живут так же долго, как люди?

– Некоторые живут так же долго, а иные много дольше, – ответил Луис. – Слоны живут очень долго., а есть морские черепахи, такие древние, что люди не знают, сколько им лет., или знают, но не могут в это поверить.

Элли пропустила слова отца мимо ушей.

– Слоны и морские черепахи не домашние животные. Вес домашние животные долго не живут. Майкл Барнс сказал, что один год в жизни собак – девять лет нашей жизни.

– Семь, – автоматически поправил Луис. – Я вижу, куда ты клонишь, дорогуша. В этом есть определенная правда. Собака, которая прожила двенадцать лет – старая собака. Видишь ли, эта вещь называется метаболизмом, и именно метаболизм отмеряет время жизни. Конечно, он, кроме того, делает и другие вещи: некоторые люди, как твоя мама, много едят и остаются тонкими. Другие, например я, не могут много есть, не поправляясь. Наш метаболизм другой, вот и все. Метаболизм делает большую часть работы по обслуживанию живого существа. Он как часы тела. Собаки обладают очень быстрым метаболизмом. Метаболизм людей много медленнее. Мы живем до семидесяти двух., большинство из нас. И поверь мне: семьдесят два года – очень долго.

Поскольку Элли выглядела на самом деле встревоженной, Луис надеялся, что его рассказ звучит научно и убедительно. Ему было тридцать пять, и, казалось, эти годы пролетели так быстро и незаметно, словно мгновенно канули в небытие.

– Морские черепахи имеют достаточно медленный метаболизм...

– А коты? – спросила Элли и снова покосилась на Черча.

– Коты живут столько же, сколько собаки, – ответил Луис, – в основном. – Это была ложь, и Луис знал это. У котов стремительная жизнь, и они часто принимают кровавую смерть, обычно так, что люди не видят этого. Вот Черч, нежащийся под солнцем (или делающий вид); Черч, который мирно спит на кровати его дочери каждую ночь; Черч, который был таким милым, когда был котенком, и все время запутывал нитки в клубки. Но Луис видел, как Черч подкрадывался к птице со сломанным крылом; зеленые глаза кота тогда блестели от любопытства и., да, Луис мог поклясться., холодного восторга, Черч редко убивал того, за кем охотился, но было одно

выдающееся исключение – большая крыса, видимо, пойманная между домом, где находилась их квартира, когда они жили в Чикаго, и соседним. Эту крошку Черч просто растерзал. Было пролито так много крови, что Речел, тогда шестой месяц вынашивавшая Гаджа, убежала в ванную, где ее вырвало. Стремительная жизнь, стремительная смерть. Собаки ловят кошек и терзают их, вместо того, чтоб просто гоняться за ними, как это делают глупые, доверчивые псы в мультфильмах по телевизору, да и сами коты грызутся между собой; отравленные приманки и проезжающие автомобили. Коты – гангстеры животного мира, живут вне закона и часто так и гибнут. Огромное их число так никогда и не доживает до старости.

Но об этом нельзя рассказывать пятилетней дочери, которая впервые в жизни столкнулась со Смертью.

– Я имею в виду, – продолжал Луис, – что Черчу сейчас всего три года, а тебе пять. Он еще будет жив, когда тебе исполнится пятнадцать, и ты станешь студенткой второго курса высшей школы. А это случится еще не скоро.

– Не так уж долго ждать, – заявила Элли. Теперь ее голос дрожал. – Не так уж долго!

Луис прервал работу над моделью и жестом подозвал дочь. Она села ему на колено, и он снова был поражен ее красотой; от волнения она стала удивительно хороша. У Элли была темная, почти левантийская кожа. Тони Бентон – один из докторов, что работал с Луисом в Чикаго, однажды назвал Елену Принцессой Индейцев.

– Дорогая, что до меня, так я отпустил бы Черчу сто лет жизни, – сказал Луис. – Но не я определяю правила игры.

– А кто? – спросила Элли, а потом с бесконечным презрением добавила: – Я так думаю: Бог!

Луис не мог сдержать улыбки. Слова девочки прозвучали так серьезно.

– Бог или кто-нибудь еще, – сказал он. – Часы жизни бегут., это я знаю точно. И нельзя их остановить, крошка.

– Я не хочу, чтобы Черч был похож на тех мертвых домашних любимцев! –

неожиданно с яростью взорвалась она. – Я не хочу, чтобы Черч умер! Он – мой кот! Он не кот Бога! Пусть у Бога будет свой кот! Пусть у Бога будут все проклятые, старые коты, если он хочет, пусть убивает их! Черч – мой!

Осторожно пройдя через кухню, в кабинет заглянула испуганная Речел. Элли плакала на груди Луиса. Теперь страх получил Имя, маска упала с его лица и можно было посмотреть ему в глаза. Теперь, даже если от страха нельзя будет полностью избавиться, его, по крайней мере, можно выплакать.

– Элли, – проговорил Луис, крепко обнимая ее. – Элли, Элли, Черч не мертв. Он тут, спит.

– Но он может умереть, – всхлипнула девочка. – Он может умереть в любой момент.

Луис держал, обнимал ее, понимая, правда это или нет, но дочь плачет из-за неговорчивости Смерти, ее безразличия к протестам и слезам маленькой девочки; что Элли плачет из-за жестокой непредсказуемости Смерти; она плачет из-за удивительной и одновременно ужасной способности человека на основании ассоциаций делать выводы, которые или красивы и благородны, или ужасающе мрачны. Все те домашние зверьки умерли, значит умрет и Черч... (в любой момент)...и будет похоронен, а если это случится с Черчем, то может случиться с мамой, с папой, с ее братом-малышом, с ней самой. Смерть – неопределенное понятие, а вот Хладбище Домашних Любимцев – определенное. В этих вещах есть правда, которую могут почувствовать даже дети.

Легко соврать в такой момент, так как он соврал, говоря о продолжительности жизни кота. Но ложь вспомнят позже, и, возможно, она, в конце концов, окажется отмеченной в таблице успеваемости, которые все дети составляют на своих родителей. Его собственная мать тоже однажды сказала ему такую ложь..., безвредную ложь о том, что женщины, когда по-настоящему хотят этого, находят малышей в мокрой от росы траве. И хотя ложь эта была совершенно безвредной, Луис никогда не простил мать за то, что она обманула его..., да и себя самого за то, что поверил в эти рассказы.

– Милая, это случается, – сказал он. – Это – часть жизни.

– Плохая часть, – закричала девочка. – Очень плохая!

На это было нечего ответить. Елена заплакала. Возможно, ее можно было успокоить, но ее слезы – необходимый первый шаг к нелегкому примирению с действительностью, которая никуда не денется.

Луис обнимал дочь и прислушивался к воскресному колокольному звону, плывущему над сентябрьскими полями. Выплакавшись, Элли заснула, а Луис не сразу заметил, что девочка спит.

* * *

Луис уложил дочь в кровать, а потом спустился на кухню, где Речел демонстративно громко взбивала тесто для кекса.

– Не понимаю, почему Элли снова улеглась спать, хотя сейчас утро. Это так не похоже на нее, – удивился Луис.

– Ничего удивительного, – сказала Речел, решительно стукнув миской. – Это на нее не похоже, но я думаю, она не спала почти всю ночь. Я слышала, как она беспокойно металась, а Черч часа в три начал проситься на улицу. Он делает так только тогда, когда Элли спит беспокойно.

– Почему она?..

– А ты не знаешь, почему? – резко сказала Речел. – Из-за проклятого кладбища домашних животных – вот почему! Прогулка туда очень расстроила ее, Луис. Это первое кладбище, на котором побывала Элли, и поэтому оно так.., взволновало девочку. Не думаю, что скажу твоему другу Джаду Крандоллу спасибо за вчерашнюю прогулку.

"Вот так он и стал моим «другом», – подумал Луис, смущенный и расстроенный.

– Речел...

– И я не хочу, чтобы она ходила туда снова.

– Речел, Джад просто рассказал правду о тропинке.

– Дело не в тропинке, и ты знаешь об этом, – заявила Речел. Она снова взяла миску и продолжала демонстративно взбивать тесто. – Это дурацкое место. Надо же было выдумать такое! Дети ходят туда и следят за могилами, следят за тропинкой... Это – е...я патология. Дети в городе чем-то больны, и я не хочу, чтобы Элли подхватила эту заразу.

Луис в замешательстве посмотрел на жену. Он был почти уверен, что одна из причин, хранивших их брак, когда, как казалось, каждый год приносил новости о том, что двое или трое из их знакомых пар разводятся, заключалась в их понимании таинства – мысленно ощутимой, но никогда не обсуждавшейся вслух идеи, что если обратиться к началу начал, то не существует такого понятия как брак или единение душ; что каждый человек является совершенно независимой личностью, которую в принципе невозможно познать полностью. Вот в этом и заключается таинство! И не зависимо от того, как хорошо, по-вашему, вы знаете своего партнера, всегда можно натолкнуться на неожиданную преграду. А иногда (редко, слава Богу!) можно ворваться в тщательно оберегаемый от всех внутренний мир партнера, заполненный идеями и предрассудками, о которых вы раньше не имели ни малейшего представления, такими страстными (по крайней мере, с вашей точки зрения), что они кажутся прямо-таки психическими отклонениями. И вот тогда-то, если вы желаете сохранить брак и свой покой, следует двигаться дальше крайне осторожно; необходимо помнить, что гнев в такие мгновения – удел глупцов, которые верят, что одна личность может полностью познать другую.

– Дорогая, там всего лишь кладбище домашних животных, – проговорил Луис.

– Поэтому Элли так плакала, – сказала Речел, махнув рукой в сторону кабинета Луиса. – Ты думаешь для нее это всего лишь кладбище домашних животных? Эта прогулка оставила у нее в душе шрам, Луис. Нет, больше она туда не пойдет. Дело не в тропинке, дело в том месте, куда она ведет. Теперь Элли все время будет думать, что Черч должен умереть.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)